

З.Г. МИРЗЕХАНОВАИнститут водных и экологических проблем ДВО РАН,
680000, Хабаровск, ул. Дикопольцева, 56, Россия, lorp@ivep.as.khb.ru**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ:
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ**

2020 г. во многих национальных и региональных программах развития признан рубежным, принято подводить итоги в контексте достижения результатов, запланированных в целевых программах. Экологические программы регионов — документы, призванные отражать специфику территории в решении наиболее значимых задач в сфере охраны окружающей среды, решение которых предопределено региональной экологической политикой. Показано, что проблемы выполнения программ заложены еще на стадии их формирования. Они связаны, в частности, с отсутствием координации экологических программ со стратегическими планами развития регионов, унифицированностью и избирательностью используемых показателей и др. Обозначена необходимость корректировки показателей в соответствии с изменением тенденций и проблем территориального развития, что особенно важно для регионов Дальневосточного федерального округа в связи с активизацией здесь хозяйственной деятельности. Желание регионов отразить специфику территории и соответствовать требованиям, обозначенным в мировых моделях развития, объясняет появление в экологических программах региональных задач. При этом решение некоторых из них не обеспечено методической, организационной и финансовой основой. Рассматриваются отдельные проблемные аспекты формирования региональных экологических программ на примере Хабаровского края. Выделены основные причины, вызывающие сложности в достижении приоритетных целей, например, сохранения ландшафтного разнообразия. По основным показателям, как установлено, запланированные результаты пролонгированы еще на пять лет. Несоответствие результатов заявленным целям можно объяснить отсутствием результирующих экологических показателей в стратегических планах развития региона, разобщенностью задач, зафиксированных в регулирующих нормативно-правовых актах субъекта, и другими причинами.

Ключевые слова: проблемы решения, региональная экологическая политика, показатели.

Z.G. MIRZEKHANOVAInstitute of Water and Ecological Problems, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences,
680000, Khabarovsk, ul. Dikopol'tseva, 56, Russia, lorp@ivep.as.khb.ru**REGIONAL ENVIRONMENTAL PROGRAMS:
PROBLEMS OF IMPLEMENTATION**

2020 is recognized as a milestone year in many national and regional development programs; it is customary to summarize the results in the context of achieving the results planned in targeted programs. Regional environmental programs are documents designed to reflect the specifics of the territory in solving the most important tasks in the field of environmental protection, the solution of which is predetermined by the regional environmental policy. It is shown that the problems of program execution are laid down at the stage of their formation. They are related in particular to the lack of coordination of environmental programs with strategic plans for regional development, the uniformity and selectivity of indicators used, etc. The need to adjust indicators in accordance with changing trends and problems of territorial development, which is especially important for the regions of the Far Eastern Federal District in connection with the activation of economic activity here, is indicated. The desire of the regions to reflect the specifics of the territory and meet the requirements outlined in the world development models explains the appearance of regional tasks in environmental programs. However, the solution of some of them is not provided with a methodological, organizational, or financial basis. Some problematic aspects of the formation of regional environmental programs are considered by using Khabarovsk krai as an example. The main reasons that cause difficulties in achieving priority goals, such as preserving landscape diversity, are highlighted. According to the main indicators, the planned results have been extended for another five years. The lack of compliance of the results with the stated goals can be explained by the lack of resulting environmental indicators in the strategic development plans for the region, the disunity of the tasks set in the regulatory legal acts of the federal subject, and by other reasons.

Keywords: problems with the solution, regional environmental policy, indicators.

ВВЕДЕНИЕ

15 апреля 2014 г. была утверждена новая редакция Государственной программы развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2020 г. (впоследствии она неоднократно редактировалась) [1], получившая широкое обсуждение и известная как «Стратегия—2020». В ней с энтузиазмом выстраивались планы развития региона. Ожидания от их реализации были оптимистичными. Время, прошедшее с момента утверждения Программы и активных действий по ее пропаганде, требует анализа предварительных результатов выполнения намеченных планов. Как показали исследования ведущих аналитиков-экономистов П.А. Минакира [2], А.Г. Агангебяна [3, 4] и др., запланированные результаты на этой территории оказались невыполнимыми: количественные показатели социального и экономического содержания не достигнуты. «Даже рост инвестиций в Дальневосточном федеральном округе на 17 % в 2017 г., который упорно связывают с эффектом новой экономической политики на востоке РФ, в том числе с действием разнообразных льгот и дополнительным финансированием, никак не сказался на росте экономики и качестве жизни населения. Основы для хотя бы 3–4 % ежегодного экономического роста до сих пор не создано, хотя национальная программа декларирует достижение роста в размере 6 % в год» [3, с. 165].

Подобного же «успеха» можно ожидать и в реализации экологических программ региона. На национальном уровне к такому выводу пришли исследователи, представившие результаты оценки выполнения задач, сформулированных в Основах государственной политики РФ в области экологического развития до 2030 г. [5]. Например, анализ достигнутых результатов в рамках действующих программ в сфере экологии и рационального природопользования за 2016–2017 гг. «демонстрирует, что ни по одной из программ не достигнут ожидаемый уровень значений» [6, с. 807].

Причин невыполнения экологических программ, как и проблем с их формированием, можно найти много [6–8]. В данной работе на примере Хабаровского края приведен анализ некоторых из них.

Информационной базой для исследований послужили материалы Правительства Хабаровского края [9–11], предоставленные в открытом доступе, нормативные документы, регулирующие деятельность хозяйствующих субъектов в сфере охраны окружающей среды и определяющие особенности экологических параметров развития территории края [12, 13]. Для обоснования отдельных положений анализа использованы ландшафтные карты Хабаровского края и особо охраняемых природных территорий в его пределах [14]. В работе применялись методы экспертных оценок, статистического и библиометрического анализа, обобщения и систематизации.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Мировой опыт экологического развития экономики базируется на концепции устойчивого развития, что отражено в ориентирах «зеленого роста». Их экологические основы закреплены в соответствующих документах, которые выражают политику государств и отдельных регионов в обеспечении защиты окружающей среды. Эти документы представляют собой национальные, отраслевые и региональные стратегии, а также программы и планы, которые концентрируют наиболее приоритетные цели в области экономики, социального развития и экологии.

В нашей стране экологические стратегии национального и регионального развития выражены в государственной и региональной экологической политике (РЭП). При этом «общепринятого термина «экологическая политика» не существует. И в российском законодательстве это понятие не конкретизировано» [15, с. 97].

Невзирая на декларируемый приоритет в сохранении природной среды, отличительная особенность российской экологической политики, по мнению О.Г. Пермяковой, — преобладание в ней ресурсного подхода. Он предполагает использование компонентов природной среды лишь как источника и условия деятельности, направленной на получение экономической выгоды. «Данный традиционный подход содержит мощный инерционный импульс, не позволяющий изменить направленность экологической политики, которая характеризуется: а) департаментализмом в управлении; б) технократизмом в принятии решений; в) приоритетностью ресурсопользования перед охраной природы; г) невниманием к задачам экологического воспитания населения; д) отсутствием стремления к взаимодействию субъектов» [16, с. 6].

В рейтинге эффективности экологической политики, составленной Центром экологической политики и права при Йельском университете [17], Россия занимает 32-е место. По этому показателю ситуация заметно изменяется в лучшую сторону с устойчивым положительным трендом: 2012 г. —

132-е место, 2014 г. — 73-е место [18, 19]. Экологическая эффективность отражает достижение страны с точки зрения экологии и управления ресурсами на основе 22 показателей в 10 категориях [19]. На региональном уровне, к сожалению, эти индикаторы не могут быть использованы [20].

Стратегия формирования национальной экополитики, безусловно, находит отражение на региональном уровне. Понятие «региональная экологическая политика» (РЭП) объединяет три важнейших начала, определяющих экологическую основу развития территории: региональная специфика, экологические требования и политика — система мер, учитывающих эту специфику и требования [21]. Эти составляющие должны быть гармонично взаимосвязаны и обеспечивать региональные интересы населения конкретных территорий, чего не всегда удается достичь.

Экологические программы регионов — основа решения задач РЭП. Экологическая стратегия развития регионов, задекларированная в РЭП, осуществляется, как было отмечено выше, через региональные экологические программы. Их эффективность отслеживается по показателям в контексте выполнения целевых задач. Несмотря на избирательность предлагаемых для анализа показателей, использование количественных индикаторов призвано реально продемонстрировать социально-экономический смысл принимаемых мер и отражать тенденции в оздоровлении экологической ситуации [21–24].

Между тем рекомендуемые «сверху» для применения в регионах показатели способны лишь обеспечить обоснованность принимаемых решений посредством обобщенной количественной оценки и упрощения. Они часто не затрагивают специфику регионального развития, а, следовательно, не отражают ситуацию на местах, не оказывают ожидаемого влияния на ее улучшение, далеки от требований, обозначенных в мировых моделях современного развития. В этой связи регионы, обеспокоенные сложившейся ситуацией, включились в работу по обоснованию непосредственно региональных показателей, что соответствует текущему моменту, в том числе международного и национального уровня.

В настоящее время ООН в целях эффективного продвижения «Повестки 2030» заинтересована в корректировке национальных стратегий, предлагая странам соответствующий вариант сотрудничества. Россией он принят как руководство к действию. Этот вариант — «ревидия действующих стратегий и планов на национальном, региональном и локальном уровнях и сопоставление с глобальными целями и задачами устойчивого развития и задачами для выявления несоответствия и возможностей изменения» [25, с. 17].

Еще в 2016 г. экспертами Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации в 19-м Докладе о человеческом развитии была сделана попытка интерпретации целей устойчивого развития (ЦУР) ООН для российской действительности. При этом социально-экономические условия и тенденции 2015–2016 гг. были приняты за стартовую точку на пути к 2030 г. [25]. Особое значение в Докладе уделено значимости распространения требований ООН в стратегиях регионального развития.

Повышенное внимание международного института и к России, и к ее регионам в плане охраны окружающей среды закономерно. Беспокойство вызывают не адекватный по отношению к мировому опыту и трендам развития интерес к современным моделям развития, ресурсные приоритеты, доминирующие в экологической политике, слабый уровень экологизации развития экономики в регионах, высокая ресурсоемкость производства, низкая эффективность выполнения поставленных задач в экологических программах и др.

Причину такого положения следует искать, во-первых, в анализе координации экологических программ со стратегическими планами развития регионов. Оказывается, что при изучении 63 действующих стратегий социально-экономического развития субъектов РФ до 2020 г. для 12 % из них установлено отсутствие разделов, ориентированных на экологическое развитие. Для 26 % стратегий проблемы охраны окружающей среды имеют второстепенное значение в структуре направлений развития регионов. Для 70 % стратегий отсутствуют целевые экологические индикаторы, не обозначены стратегические приоритеты в экологическом контексте [26, 27].

Во-вторых, не менее значимый аспект, вскрывшийся при анализе целевых программ с учетом экологической специфики, раскрывает некоторую вольность в трактовке и понимании терминов «состояние окружающей среды» и «природоохранная деятельность». При этом описание принципов, приоритетов, основных направлений и мер госполитики в этой области «осуществляется вне сколь угодно бы обязывающей детализации конкретных действий» [24, с. 77].

В-третьих, анализ проектов и соответствующих программ РЭП в различных регионах России свидетельствует о необходимости учета двух важнейших моментов, которые в силу сложившейся системы управления не принимаются во внимание либо запаздывают во времени. Первый состоит в том, что единых стандартов для использования экологических показателей на местах нет и не долж-

но быть вследствие региональной специфики территории. Второй свидетельствует о том, что они не могут быть неизменными, а должны корректироваться с учетом факторов, предопределяющих особенности развития региона на конкретный временной интервал.

В-четвертых, из 18 индикаторов, рекомендованных Стратегией экологической безопасности страны на период до 2020–2025 гг., преимущества отданы показателям (их 10), ориентированным на утилизацию отходов [28]. На практике мониторинг показателей в рамках Государственной программы РФ «Охрана окружающей среды на 2012–2020 годы» [29] осуществляется только по шести показателям [30].

В настоящее время выбор применяемых показателей ограничен информационной обеспеченностью в рамках региональной статистики и нехваткой финансирования. Поэтому значение региональных особенностей, которые необходимо отражать в экологических программах, нивелируется. В лучшем случае речь может идти о ранжировании приоритетов в принятии конструктивных мер в рамках РЭП. Такой алгоритм выбирают многие регионы РФ. Так, например, для Кемеровской области предложено 119 показателей, что потребовало дополнительного ранжирования приоритетов [31]. Опыт реализации региональной модели экологической политики в Кузбассе оказался весьма полезным и интересным для других регионов нашей страны. Среди лидеров в разработке региональных экологических показателей следует отметить Томскую, Воронежскую, Самарскую, Читинскую, Тюменскую, Костромскую области, Республику Чувашия и др. [32–37]. Результат этой деятельности — опыт довольно широкого применения экологических показателей в программных документах регионального развития. Среди предлагаемых для использования в отдельных российских регионах количественных показателей РЭП нужно отметить следующие: снижение энергоемкости, ресурсоемкости производства; совершенствование территориально-отраслевой структуры хозяйства в направлении экологичных производств; уменьшение выбросов и сбросов загрязняющих веществ в отдельные компоненты географической среды на единицу ВРП; динамику затрат на решение экологических проблем на единицу ВРП; динамику сохранения ландшафтного и биологического разнообразия; объемы потребляемой экологически чистой продукции; коэффициент рециклирования отходов; количество и виды продукции, полученной из отходов производства и потребления; площадь реставрационных земель и др. Не трудно заметить, что практически все рекомендуемые показатели соответствуют ожиданиям экологизации экономики в направлениях развития «зеленого роста» [22, 24, 38], но применяются лишь некоторые из них.

Современная ситуация с использованием региональных показателей в экологических программах.

Понятно, что перечень используемых показателей должен корректироваться при изменении тенденций и проблем территориального развития, а также в определенной степени индивидуализироваться для каждого региона в зависимости от его специфики. Складывающаяся на Дальнем Востоке России ситуация предопределяет острую необходимость разработки региональных показателей оценки эффективности РЭП, исходя из следующих аспектов:

– амбициозные задачи стратегического планирования, которые обозначены в планах развития региона до 2025 г. и скорректированы до 2035 г. [11, 39];

– усиление в регионе хозяйственной деятельности, формирующейся в настоящее время под лозунгами реализации «новой восточной политики», в основе которой лежит создание территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) [10], рассматривающихся во всех документах в качестве основных механизмов активизации хозяйственной деятельности, которые подкреплены довольно привлекательными преференциями;

– необходимость отражения специфики регионального развития в экологических требованиях в контексте мировых трендов, представленных в модели «зеленого роста» или «зеленой экономики» как усовершенствованной модели устойчивого развития. Ее идеи опираются на долгосрочную устойчивость экономического развития, обеспеченную природным капиталом. При этом экономический рост принимается в качестве зависимой от состояния геосистем составляющей, а экологические показатели служат ориентирами эффективности выбранного направления и должны быть определяющими в стратегических планах развития.

Несмотря на важность и актуальность решения проблемы, большая часть стратегий развития дальневосточных регионов относится к тем 70 %, где отсутствуют целевые экологические индикаторы, не обозначены стратегические приоритеты в экологическом контексте [26]. Экологические индикаторы не согласованы со стратегическими целями социально-экономического развития территории, не увязаны со стратегическим планированием (см. таблицу).

Рассмотрим ситуацию на примере Хабаровского края. Стратегическое планирование здесь осуществляется на основе регулирующих нормативно-правовых актов субъекта [9–13, 39]. Каждая программа, имея собственную целевую установку, не имеет устойчивых связей с другими. Это накладывает

**Учет экологических показателей в стратегиях социально-экономического развития субъектов РФ
Дальневосточного федерального округа до 2020 года [по 26]**

Субъект	Основополагающий документ	Экологический показатель			
		1	2	3	4
Республика Саха (Якутия)	Стратегия развития до 2020 г.	+	–	–	–
Камчатский край	»	–	–	–	–
Приморский край	»	–	–	+	–
Хабаровский край	»	+	–	–	–
Амурская область	»	+	–	–	–
Магаданская область	»	+	–	–	–
Сахалинская область	»	+	–	–	–
Еврейская автономная область	»	+	+	–	–
Чукотский автономный округ	»	+	–	–	–
Республика Бурятия	»	+	–	–	–
Забайкальский край	»	–	–	+	–
РФ	Концепция социально-экономического развития РФ до 2020 г.	+	+	+	+

Примечание. Экологические показатели: 1 — экологические проблемы и тенденции; 2 — экологические условия социально-экономического развития; 3 — экологическая направленность стратегических задач; 4 — экологические показатели стратегии. «+» — показатель в стратегии учтен; прочерк — показатель отсутствует.

вает отпечаток на выполнение запланированных результатов каждой из них. Главная цель современной «Стратегии социального и экономического развития Хабаровского края на период до 2025 года» [39] аналогична предыдущей стратегии [9]. Это — формирование такой территориальной социально-экономической системы, которая обеспечивала бы высокий жизненный уровень и качество жизни населения для реализации геополитической задачи закрепления населения на Дальнем Востоке на основе формирования и развития высококонкурентной экономики при соблюдении соответствующих экологических ограничений. Экологическая составляющая, как в названии, так и в программе, по складывающейся традиции, проходит только фоном. Аналогичная ситуация характерна для многих регионов страны, поскольку в России нет стратегии устойчивого развития в ее системном понимании как единства и сбалансированности экономической, социальной, экологической составляющих, преобладает узкий экономический подход.

Для всех субъектов РФ в 2015 г. был выполнен анализ эффективности экономического развития в контексте учета экологических условий и сделан прогноз реальности выполнения поставленных задач [26, 27]. Из четырех направлений анализа экологизации хозяйственной деятельности («экологические проблемы и тенденции», «экологические условия экономического развития», «экологическая направленность стратегических целей», «экологические показатели и индикаторы реализации стратегии») в «Стратегии развития Хабаровского края» лишь в первом направлении обозначены общие тенденции (см. таблицу). В числе результирующих показателей экологических не обнаружено, что в целом, согласно ранее сделанным прогнозным оценкам, отражает несоответствие результатов реализации стратегии заявленным целям и приоритетам [26]. Прогноз оправдался, и его результаты зафиксированы в количественных индикаторах экономического и социального характера. Программные задачи в обозначенных целевых индикаторах остались невыполненными [2–4].

Цель Государственной программы «Охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности в Хабаровском крае» предполагает улучшение экологической ситуации в крае [13]. Среди задач нужно отметить следующие: снижение негативного воздействия на окружающую среду, сохранение ландшафтного и биологического разнообразия, формирование экологической культуры населения. Ни в содержании программы, ни в показателях не отражено, каким образом будет проводиться охрана ландшафтов и в чем суть ландшафтного разнообразия (ЛР). В документе ЛР ассоциируется с долей площади территории Хабаровского края, занятой ООПТ всех уровней. Данное заблуждение свидетельствует об использовании словосочетания «ландшафтное разнообразие» без наполнения его содержательным смыслом не только в практическом плане, но и в теоретическом. Поэтому трудно ожидать каких-либо достижений в представленном формате проблемы.

Решение задачи сохранения ЛР и применения для этого одноименного показателя в реализации РЭП осложняется рядом факторов:

– отсутствие содержательного наполнения термина «ландшафтное разнообразие» в существующих программах, что, по сути, повторяет предыдущие задачи сохранения и расширения системы ООПТ;

– отсутствие понятия ценности природного капитала, зависящей от сохранности геосистем, и ее учета в стратегии развития региона;

– проблематичность получения исходных данных для стартовых наблюдений и последующего мониторинга изменения разнообразия природных систем;

– профессиональная неподготовленность лиц, отвечающих за разработку политики в рамках этого блока индикаторов, учитывая, что именно региональные администрации «являются основным распорядителем набора показателей» [32, с. 28] в экологических программах;

– необходимость геоинформационно-картографического сопровождения в отражении динамики и тенденций данного критерия и др.

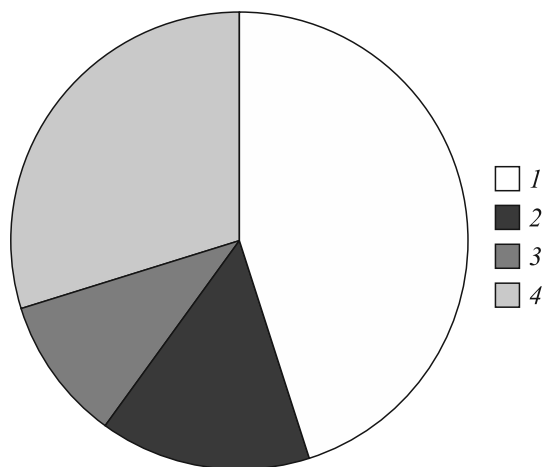
Значимость и необходимость применения этого показателя для Хабаровского края, как и в целом для регионов нового освоения, велика [40]. Данная территория, согласно исследованиям Е.М. Климиной [41], характеризуется сложностью ландшафтной организации. Этот фактор одновременно представляет собой и показатель высокой степени ЛР, что проявляется в наличии большого количества природных рубежей высшего иерархического ранга: геоморфоструктурных, ботанических, зоогеографических; климатических, ландшафтных [42]. Ландшафтная мозаика территории — это основа функционирования сети ООПТ, но существующие заповедники не обеспечивают равнозначную представительство геосистем, что не отражает всех ценностных характеристик разнообразия природных комплексов на рассматриваемой территории [14, 40–42].

Итогом реализации экологической программы в рамках «Стратегии–2020» должны быть такие ожидаемые важнейшие результаты, как уменьшение объема образованных отходов всех классов опасности на единицу ВРП до 133 т/млн руб. ВРП; увеличение доли площади территории Хабаровского края, занятой ООПТ всех уровней, в общей площади территории Хабаровского края до 10 %; возрастание доли ТБО, захораниваемых на объектах размещения отходов, отвечающих требованиям природоохранного и санитарно-эпидемиологического законодательства, до 67 %; увеличение количества проводимых экологических акций, практических природоохранных мероприятий, конкурсов, викторин до 100 в год; увеличение количества выявленных нарушений режима ООПТ краевого значения до 53 в год и др.

В 2019 г. задачи и цели Программы были пролонгированы до 2024 г. При этом ранее обозначенные целевые индикаторы остались неизменными, что свидетельствует о проблемах с их исполнением [13]. Проведенный ранее анализ результатов выполнения задач, заложенных в «Стратегию экологического развития Хабаровского края» по промежуточному рубежу 2015 г., должен был бы привлечь внимание к вопросу эффективности проводимых мероприятий. Уже к этому времени было понятно, что экологические индикаторы по основным показателям (объемы сбросов и выбросов загрязняющих веществ, отходы производства и потребления) не были достигнуты при имеющейся тенденции к их достижению [43].

Анализируя содержательное наполнение всего комплекса используемых в программе экологических показателей (см. рисунок), следует отметить следующие моменты:

– 45 % из них имеют административно-организационно-аналитический характер. Например, количество ООПТ краевого значения, оснащенных информационными щитами; международных проектов в области ох-

Содержание используемых в экологической программе Хабаровского края показателей.

1 — административно-организационно-аналитическое; 2 — природоохранное; 3 — образовательное; 4 — эколого-экономическое.

раны окружающей среды, реализуемых на территории края; проведенных анализов компонентов окружающей среды в рамках экологического мониторинга; публикаций экологической направленности в средствах массовой информации в год и т. д.;

– 15 % показателей имеют сугубо природоохранное содержание (доля площади территории Хабаровского края, занятой ООПТ краевого значения, в общей площади территории Хабаровского края, численность популяции амурского тигра на территории края);

– 10 % показателей имеют образовательное содержание (количество проводимых экологических акций, практических природоохранных мероприятий, конкурсов, викторин в год);

– 30 % экологических индикаторов можно использовать в аспекте оценки эффективности «озеленения» экономики (доля использованных, обезвреженных отходов в общем объеме образовавшихся отходов в процессе производства и потребления; количество введенных в эксплуатацию пунктов обезвреживания биологических отходов; число ликвидированных объектов прошлого экологического ущерба; объем продукции, произведенной с использованием утилизированных отходов потребления).

Собственно региональных показателей, отражающих специфику конкретной территории, лишь 20 % (численность популяции амурского тигра на территории края; доля площади территории Хабаровского края, занятой ООПТ краевого значения, в общей площади территории Хабаровского края). При такой ситуации говорить об их значимости для экономического развития этой территории не приходится. А вопрос об их соответствии требованиям современных мировых моделей развития остается открытым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экологическая стратегия развития регионов осуществляется через региональные экологические программы. Эффективность решения запланированных в них задач зависит от согласованности экологических программ с экономическими целями развития территории и наличия в них экологических показателей, отражающих современные тенденции развития региона в контексте требований мировых моделей развития. Между тем унифицированные требования к использованию показателей еще на стадии разработки экологических программ предопределяют их общую ориентацию. Отдельные региональные цели, обозначенные в программах, не имеют необходимой методической и финансовой проработки, что показано на примере выполнения задачи сохранения ландшафтного разнообразия в экологической программе Хабаровского края. Она не связана единой стратегией с экономическими планами. Экологические индикаторы не входят в перечень приоритетных целевых показателей в реализации этих планов. Доминирование административно-организационных задач в программе снижает ее значимость в региональном развитии.

К сожалению, не представляется возможным быстро исправить сложившуюся ситуацию. Формирование программ социально-экономического и экологического развития регионов имеет общую тенденцию, преимущественно представляющую собой редактирование предшествующих, что можно наблюдать на примере принятых программ развития регионов до 2025 г. и разрабатываемых — до 2035 г. Это во многом объясняет их структурную преемственность, пролонгацию не решенных ранее задач, отсутствие должного внимания не только к международной практике, но и к изменениям региональных ориентиров развития.

Как показывает мировой опыт, переход к «зеленой» экономике способствует переосмыслению стратегий регионального развития, обеспечивающих экосистемный подход к хозяйственной деятельности, что потребует обязательного пересмотра статуса экологических показателей в сторону определяющих. Это обусловит необходимость корректирования экологических программ, в которых экологические показатели послужат ориентирами эффективности выбранного экономического направления, будут учитывать преимущества применения глобальных сценариев в проводимой региональной политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Об утверждении** государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 308 [Электронный ресурс]. — <http://base.garant.ru/70644078/> (дата обращения 24.07.2020).
2. **Минакир П.А.** «Программная» экономика: Дальний Восток // *Пространственная экономика*. — 2019. — Т. 15, № 2. — С. 7–16.

3. **Аганбегян А.Г.** Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов // *Пространственная экономика*. — 2019. — Т. 15, № 3. — С. 165–187.
4. **Регионы России. Социально-экономические показатели / ФСГС.** 2017–2019 [Электронный ресурс]. — http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения 05.05.2020).
5. **Анализ** выполнения задач государственной политики в области экологического развития и соответствующих Поручений Президента Российской Федерации. — М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF), Нац. информ. агентство «Природные ресурсы» (НИА-Природа), 2016. — 54 с.
6. **Потравный И.М., Яшалова Н.Н., Гассий В.В., Чавез Феррейра К. Йе.** Проектный подход в управлении экологически ориентированным развитием экономики региона // *Экономика региона*. — 2019. — Т. 15, вып. 3. — С. 806–821.
7. **Тулякова И.В.** Оценка эффективности государственных программ. Проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. — <http://rufincontrol.ru/article/332551> (дата обращения 05.05.2020).
8. **Добролюбова Е.И.** Методические проблемы оценки эффективности государственных программ // *Региональная экономика*. Юг России. — 2017. — № 1. — С. 95–105.
9. **Государственная программа Хабаровского края «Инновационное развитие и модернизация экономики Хабаровского края».** Утверждена постановлением Правительства Хабаровского края от 26 июня 2012 г. № 212 [Электронный ресурс]. — base.garant.ru/25698594/ (дата обращения 07.03.2017).
10. **Федеральный закон РФ «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ»** от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ [Электронный ресурс]. — <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39279> (дата обращения 07.04.2020).
11. **Федеральный закон РФ «О стратегическом планировании в Российской Федерации. Стратегия–2035»** от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ [Электронный ресурс]. — www.kremlin.ru/acts/bank/38630 (дата обращения 02.02.2020).
12. **Стратегия экологической безопасности Хабаровского края на период до 2020 года.** Распоряжение Правительства Хабаровского края от 11 декабря 2010 г. № 758-рп; Государственная программа Хабаровского края «Охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности в Хабаровском крае» (с изменениями на 30 декабря 2016 года) [Электронный ресурс]. — <https://minfin.khabkrai.ru/.../Охрана%20окружающей%20среды%20и%20обеспечения> (дата обращения 12.03.2020).
13. **Государственная целевая программа Хабаровского края «Охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности в Хабаровском крае»** (с изменениями на 22 марта 2019 года). Утверждена постановлением Правительства Хабаровского края от 25 октября 2011 года № 353-пр [Электронный ресурс]. — <http://docs.cntd.ru/document/995143633> (дата обращения 07.03.2017).
14. **Калихман Т.П., Бардаш А.В., Богданов В.Н., Огородникова Л.Ю., Климина Е.М., Бочарников В.Н.** Особо охраняемые природные территории Дальневосточного федерального округа. Атлас. — Иркутск: Изд-во Инта географии СО РАН, 2018. — С. 330–379.
15. **Шкиперова Г.Т.** Экологическая политика как инструмент согласования интересов экономического развития и экологической безопасности // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. — 2016. — Т. 12, вып. 6. — С. 97–110.
16. **Пермякова О.Г.** Экологическая составляющая российского политического процесса (на примере Приморского края): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. — Чита: Изд-во Чит. ун-та, 2007. — 24 с.
17. **Алексеева Н.Н., Аршинова М.А., Банчева А.И.** Положение России в международных экологических рейтингах // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия: экология и безопасность жизнедеятельности*. — 2018. — Т. 26, № 1. — С. 134–152.
18. **EPIReport.** 2018 [Электронный ресурс]. — <https://epi.envirocenter.yale.edu/node/36476> (дата обращения 05.05.2020).
19. **Рейтинг стран по уровню экологии** [Электронный ресурс]. — <https://nonews.co/directory/lists/countries/ecology> (дата обращения 05.05.2020).
20. **Шкиперова Г.Т., Дружинин П.В.** Оценка результативности политики в сфере обеспечения экологической безопасности регионов России // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. — 2018. — Т. 14, № 12. — С. 2356–2372.
21. **Мирзеханова З.Г.** Региональная экологическая политика: содержание и индикаторы реализации отдельных направлений // *Вестн. ДВО РАН*. — 2014. — № 3 (175). — С. 77–85.
22. **Яшалова Н.Н.** Разработка индикаторов «зеленой» экономики на региональном уровне // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. — 2014. — № 40. — С. 26–34.
23. **Бобылев С.Н., Кудрявцева О.В., Соловьёва С.В., Ситкина К.С.** Индикаторы экологически устойчивого развития для регионов России. — М.: Изд-во «Инфра-М», 2015. — 194 с.
24. **Липина С.А., Агапова Е.В., Липина А.В.** Развитие зеленой экономики в России. Возможности и перспективы. — М.: ЛЕНАНД, 2018. — 328 с.
25. **Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2017 год /** Под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева. — М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2017. — 292 с.
26. **Илинбаева Е.А.** Оценка результативности стратегий развития субъектов федерации на основе учета экологического компонента: Автореф. дис. ... канд. эконом. наук [Электронный ресурс]. — <http://u55901.netangels.ru/content/aspir/avtoreferat.pdf> (дата обращения 03.11. 2019).

27. **Илинбаева Е.А.** Методика оценки результативности стратегического планирования социально-экономического развития на уровне субъектов федерации с учетом экологической составляющей // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестн. Науч.-исслед. центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкар. ун-та. — 2015. — № 3. — С. 108–122.
28. **Стратегия** экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. Утверждена Указом Президента РФ от 19.04.2017 № 176 [Электронный ресурс]. — <http://garant.ru/products/ipo/prime/doc/71559074> (дата обращения 03.11.2019).
29. **Государственная программа** Российской Федерации «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 гг. Утверждена Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 326 [Электронный ресурс]. — <http://docs.cntd.ru/document/499091755> (дата обращения 03.11.2019).
30. **Государственный доклад** «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 г.». — М.: Минприроды России; НИА-Природа, 2017. — 746 с.
31. **Мекуш Г.Е.** Экологическая политика и устойчивое развитие. — М.: Макс Пресс, 2007. — 326 с.
32. **Бобылев С.Н.** Индикаторы устойчивого развития: региональное измерение: Пособие по региональной экологической политике. — М.: Акрополь, ЦЭПТ, 2007. — 60 с.
33. **Индикаторы** устойчивого развития России (эколого-экономические аспекты) / Под ред. С.Н. Бобылева, П.А. Макеенко — М.: ЦПРП, 2001. — 220 с.
34. **Лаптев Н.И.** Индикаторы устойчивого развития Томской области. — Томск: Печатная мануфактура, 2004. — 46 с.
35. **Булатов В.И., Игенбаева Н.О.** Разработка экологических индикаторов устойчивого развития на региональном уровне // Вестн. Югор. ун-та. — 2008. — Вып. 1 (8). — С. 9–16.
36. **Воронина А.Г.** Разработка системы показателей оценки эффективности региональной политики (экологический аспект) // Региональная экономика и управление. 2016. — № 4 (48) [Электронный ресурс]. — <https://eee-region.ru/article/4824/> (дата обращения 03.11.2019).
37. **Приоритеты** национальной экологической политики России / Под ред. В.М. Захарова. — М.: ООО «Типография Левко», изд-во Ин-та устойчивого развития/Центра экологической политики России, 2009. — 152 с.
38. **Навстречу** «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности — обобщающий доклад для представителей властных структур // Программа ООН по окружающей среде [Электронный ресурс]. — http://www.unep.org/greenconomy/ortals/88/documents/ger/GER_synthesis_ru.pdf (дата обращения 07.11.2018).
39. **Стратегия** социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р [Электронный ресурс]. — www.dfo.gov.ru/index.php?id=80 (дата обращения 02.02.2019).
40. **Мирзеханова З.Г., Климина Е.М.** Оценка ландшафтного разнообразия для разработки программ устойчивого развития Хабаровского края // Изв. РАН. Серия геогр. — 2017. — № 4. — С. 88–96.
41. **Климина Е.М., Мирзеханова З.Г.** Разработка системы региональных показателей ландшафтного разнообразия слабоосвоенных территорий // География и природ. ресурсы. — 2014. — № 1. — С. 148–154.
42. **Климина Е.М.** Выявление ненарушенных и слабонарушенных территорий Северного Сихотэ-Алиня // География и природ. ресурсы. — 2019. — № 4. — С. 145–152.
43. **Черенцова А.А., Гладун И.В.** О выполнении некоторых целевых показателей стратегии экологического развития Хабаровского края // Природные ресурсы и экология дальневосточного региона: Материалы II Междунар. науч.-практ. форума (Хабаровск, 4 мая 2017 г.). — Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. ун-та, 2017. — Вып. 2. — С. 134–138.

Поступила в редакцию 24.06.2020

После доработки 21.10.2020

Принята к публикации 25.12.2020